

© 2014 г.

Анатолий Эльянов

доктор экономических наук, профессор
главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
(e-mail: Anatoliyel@yandex.ru)

ОБ ОСНОВНОМ ЛОКОМОТИВЕ ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются истоки и узловые проблемы промышленной революции. Исследуются послевоенные сдвиги в структуре материального производства. Обсуждаются возможности и перспективы индустриализации и реиндустриализации в условиях глобализации мировой экономики.

Ключевые слова: мировая экономика, промышленная революция, индустриализация, валовой материальный продукт, сельское хозяйство, добывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, глобализация.

Вопрос об истоках и движущих силах экономического роста и развития уже давно в фокусе внимания теоретиков и практиков хозяйственного строительства. Без осознания и понимания лежащих в его основе ключевых проблем едва ли можно рассчитывать на сколько-нибудь эффективное содействие этому жизненно важному процессу. Но чтобы разобраться во всех его перипетиях, требуется учитывать определяющую роль промышленного развития, начало которой положил *промышленный переворот*¹.

Переход от ручного труда к машинному производству произошел, как известно, не в сельском хозяйстве и не в добывающей промышленности, заложивших основы оседлой жизни (и в таком переходе безусловно нуждавшихся), а в зародившейся много позже обрабатывающей промышленности, призванной содействовать всемерному ее обустройству. Развитие обрабатывающей промышленности, благодаря неуклонно растущей ее способности к производству всевозможных инструментов и оборудования, открыло необъятный простор для изобретательства и творчества.

В этом, думается, прежде всего и состоит принципиальное отличие обрабатывающей промышленности от сельского хозяйства и добывающей

¹ Под промышленным переворотом здесь, как это принято в самих индустриально развитых государствах, понимается рост и развитие обрабатывающей промышленности (manufactures), восходящей своими истоками к мануфактурам и ремесленному производству, опиравшимся на ручной труд. Развитие, которое обернулось настоящей промышленной революцией и всеобъемлющей индустриализацией, со временем охватившей все сферы труда и быта промышленно развитых стран, а во второй (бытовой) своей ипостаси и основную массу развивающихся стран.

промышленности. Но дело далеко не только в особом предназначении обрабатывающей промышленности, но и – что особенно важно – в присущей ей более высокой динамике развития в сравнении с сельским хозяйством и добывающей промышленностью. Динамике, в основе которой лежит развитие самой системы потребностей, которые по мере обеспечения их платежеспособным спросом и определяют реальную направленность экономического развития.

Прорыв в создании механического двигателя вкупе с механизацией текстильного производства заложил основы принципиально новой технологической цивилизации, которая со временем втянула в орбиту своего влияния практически все страны мира, наложив неизгладимый отпечаток на все следующее их развитие.

За первой промышленной революцией последовала вторая, одарившая мир двигателем внутреннего сгорания, электричеством и атомной энергией. За второй – третья, обернувшаяся всемерным развитием сферы услуг и международного внутри продуктового разделения труда со всеми его достоинствами и недостатками.

Но если первая промышленная революция помимо запросов рынка опиралась фактически только на интуицию, природную смекалку, трудолюбие и редкое долготерпение своих волонтеров, то в основу второй и тем более третьей легла фундаментальная и прикладная наука. Прогресс в науке содействовал познанию законов и сил природы, которое с помощью и при опоре на заново созданную обрабатывающую промышленность способствовало производству великого множества всевозможных инструментов и оборудования. При том что основная их масса благодаря развитию международной (мировой) торговли со временем оказалась доступной и для стран запоздалого развития. Отдельные же новинки НТП, типа транзисторных приемников и мобильных телефонов, проникли в самую глухую глубинку наименее развитых стран.

Особого внимания заслуживает то нередко упускаемое из виду обстоятельство, что преобладающая часть инноваций создается и воплощается в жизнь в рамках и на технико-экономической базе обрабатывающей промышленности, где при необходимости создается и весь недостающий инструментарий. Не следует забывать и того, что ключевые инновации, определяющие общую направленность общественно-экономического развития, фактически создаются и реализуются лишь в нескольких наиболее продвинутых и динамичных странах. Основная же масса экономически преуспевающих стран развивалась и продолжает развиваться прежде всего и в основном посредством эмуляции (своеобразного воспроизводства и повторения опыта промышленно развитых стран). Того самого опыта, использование которого вплоть до оконча-

ния Второй мировой войны блокировалось системой колониальной и полуколониальной зависимости.¹

Неравномерность развития. С началом промышленной революции неравномерность экономического развития, как и неразрывно связанного с ним социального и политического развития, заметно усилилась. Ее рост был прежде всего и в основном обусловлен разновременным подключением стран к развитию обрабатывающей промышленности, которая, как и следовало ожидать, оказалась наиболее продуктивным сегментом материального и, как впоследствии выяснилось, всего совокупного производства. Но дело не только в этом. Благодаря более высокой производительности этой рукотворной и самой молодой отрасли материального производства в сравнении с сельским хозяйством и добывающей промышленностью возросла неравномерность развития и всех других последовавших примеру Англии стран, а тем самым и начавшей складываться мировой экономики.

Страны, сумевшие приобщиться к развитию обрабатывающей промышленности в XIX–начале XX вв., оказались в авангарде на редкость животворного процесса индустриализации. Как изначально называется развитие, в самой своей основе опирающееся на обрабатывающую промышленность, одна из отличительных особенностей которой заключается в необычайно высокой ее динамичности. Дело в том, что только в этой полностью рукотворной отрасли создается (изготавливается) великое множество всевозможных промышленных изделий, не имеющих аналогов в природе.

Между тем реализация этой неизвестной до начала промышленной революции функции требует несравненно более весомых, подчас в разы превосходящих, затрат труда в расчете на единицу предлагаемой рынку продукции, нежели в сельском хозяйстве или в добывающей промышленности, которые в самой своей основе опираются на силы и дары природы. Но дело не только и не столько в этом. Немалая разница в затратах труда подкрепляется их различной востребованностью на рынке. И если эластичность спроса по доходу (характеризующая степень рыночной востребованности в расчете на единицу прироста среднедушевого дохода) на продукцию сельского хозяйства и добывающей промышленности находится ниже, зачастую намного ниже 1, то потребности рынка в промышленных изделиях вне зависимости от их новизны, качества и назначения, напротив, всегда выше, а сплошь и рядом намного выше этого эталона.²

¹Эрик С. Райнерт. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными. Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 111. Эмуляция: как разбогатели богатые страны.

²См., например, А.Я. Эльянов. Развивающиеся страны: проблемы экономического роста и рынок. Издательство «Мысль», Москва, 1976.

К этому прежде всего и сводится глубинная суть различий между обрабатывающей промышленностью и двумя другими основополагающими отраслями (типами) материального производства. В этом выражается ведущая, практически ничем не заменимая роль обрабатывающей промышленности в развитии экономики. Этим же объясняется и основная ставка преобладающего большинства отставших в своем развитии стран на индустриализацию, а во времена первой и второй промышленных революций и стран мирового экономического авангарда, в немалой части которых в той или иной форме обсуждаются проблемы реиндустриализации.

И это при том, что такая ставка не так уж и редко ассоциировалась с развитием лишь самой обрабатывающей промышленности как таковой, без учета ее нерасторжимых связей с сельским хозяйством, которое на первых порах является основным, чуть ли не единственным рынком сбыта промышленных изделий и единственным источником востребованных промышленностью рабочих рук. Как бы то ни было, индустриализация уже давно ассоциируется с экономическим прогрессом и воспринимается в качестве важнейшего рычага и способа преодоления (исконного, как и благоприобретенного) экономического отставания.

Но особенно показательно то, что ведущая роль обрабатывающей промышленности в экономике нашла свое отражение и в названии трех основных эпох (этапов) в жизни человечества: Доиндустриальной, Индустриальной и современной Постиндустриальной, которая и определяет ныне рамочные условия экономического, а во многом социального и политического развития всех (без исключения) стран. Несмотря на огромные, подчас вопиющие различия между странами в уровнях и качестве экономического, социального и политического развития, а, стало быть, и в состоянии местного общества.

Ведущая, в сущности ключевая роль обрабатывающей промышленности в экономике обернулась делением всех стран мира, в зависимости от уровня их развития, на две неравные по экономической мощи и численности населения части – промышленно развитую и развивающуюся. При том что первую группу стран в связи с наступлением постиндустриальной эпохи нередко называют еще и мировым экономическим авангардом. И это ее определение адекватно отражает и полностью соотносится с реальным социально-экономическим положением промышленно развитых стран и общим состоянием дел в современном мире.

Необычайно плодотворной экономической роли обрабатывающей промышленности и изобличению неизбывных попыток замолчать этот важнейший фактор современного мирового развития посвящено ранее упоминавшееся отлично документированное исследование крупного нор-

вежского ученого Эрика С. Райнерта – «Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными».¹

Это глубокое исследование на огромном историческом и фактическом материале раскрывает особую, ничем незаменимую роль обрабатывающей промышленности в экономическом развитии. И дело не только и даже не столько в огромном разнообразии выпускаемой ею продукции, свидетельствующем о готовности и способности этой отрасли удовлетворять необычайно широкий спектр самых разнообразных потребностей. Другое, не менее, если не более важное экономическое преимущество обрабатывающей промышленности перед другими сферами производства заключается в создании наиболее весомой доли добавленной стоимости в расчете на единицу продукции.

К ежегоднику ВТО (International Trade Statistics, 2014) прилагается уникальная информация о физических объемах производства и экспорта мирового материального продукта (ВМП) с выделением в отдельные ряды данных по сельскому хозяйству, добывающей и обрабатывающей промышленности. А поскольку ВТО является правопреемницей ГАТТ, то такой статистикой охвачено уже более шести десятилетий.

Статистика в силу своей глобальности позволяет составить представление об оптимальных межотраслевых пропорциях экономического роста во взаимосвязи с развитием внешней (международной) торговли. Причем не только в глобальном их измерении, но и в разрезе каждой отдельно взятой страны. Хотя бы потому, что отраслевую структуру мировой экономики, благодаря ее синтезирующей роли, можно (и нужно) рассматривать в качестве своеобразного эталона (идеала), с которым нельзя не считаться в реальной жизни. Ибо структура мирового производства (в отличие от национального) служит зеркальным отражением структуры реального платежеспособного спроса, которым в конечном счете и определяются изменения в структуре производства, а с учетом его пиковых значений и возможности наращивания доли и веса какой-либо его части.

Из данных таблицы следует, что за 6 с небольшим послевоенных десятилетий (1950–2012 гг.) валовой материальный продукт (ВМП) мира вырос в 8,8 раза при увеличении сельскохозяйственного производства в 4,3 раза, добычи полезных ископаемых – в 4,9 раза, а промышленного производства (в его исконном реальном измерении, представляемом данными по обрабатывающей промышленности) – в 13,1 раза.

¹ Русский перевод этого практически недоступного в оригинале исследования, к сожалению, издан мизерным тиражом (всего 1000 экз.), который был моментально раскуплен и, едва увидев свет, стал библиографической редкостью.

Таблица 1

**Индексы мирового производства (ВМП)
и экспорта товаров (2005 = 100)**

	Производство				Экспорт			
	ВМП	Сель- ское хозяй- ство	Добываю- щая про- мышлен- ность	Обрабаты- вающая промыш- ленность	Экс- порт в целом	Сель- ское хозяй- ство	Добываю- щая про- мышлен- ность	Обрабаты- вающая промыш- ленность
1950	13	26	22	9	4	15	10	2
1970	37	45	59	33	17	35	44	11
1980	53	56	77	50	29	49	52	22
1990	69	72	78	67	42	57	59	38
2000	88	89	91	88	79	83	84	76
2012	115	113	108	118	128	130	114	134

Составлено по: Table A 1, Supplement, International Trade Statistics 2013.

Не менее, а еще более весомы различия между основными компонентами ВМП в объемах их экспорта. И если экспорт продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности за тот же период вырос в 8,7 и 11,4 раза соответственно, то экспорт промышленных изделий увеличился в 67 раз, обеспечив рост совокупного товарного экспорта в 32 раза, что сыграло далеко не последнюю роль чуть не в восьмикратном увеличении мирового ВМП. Такое соотношение в динамике производства и экспорта трех основных компонентов ВМП свидетельствует об огромных, неизбывных различиях в структуре и динамике платежеспособного спроса на их продукцию. Спроса, которым, в конечном счете, и предопределяется общий потенциал роста любого вида производства.

Особенно показательны в этом плане различия в динамике экспорта, как, кстати говоря, и в общей торгуемости трех основных компонентов ВМП, характеризующей способность каждого из них участвовать как в международном, так и в народнохозяйственном разделении труда. Это еще раз подтверждает глубокие межотраслевые различия в возможностях развития, которыми в конечном счете и определяется динамика изменений как в отраслевой структуре мировой экономики, так и в товарной структуре мировой торговли. Та самая динамика, которая лежит в основе мирового экономического развития со всеми сопутствующими ему благами и проблемами.

Взросшая неравномерность экономического развития отразилась, в свою очередь, на структуре мирового производства и мирового экспорта. Самое общее представление о динамике и масштабах этих изменений можно получить из расчетов, опирающихся на те же исходные данные по ди-

намике производства и экспорта ВМП и трех основных его компонентов. Взяв за основу уравнение: $P=A+B+C$, где P означает ВМП, A – сельское хозяйство, B – добывающую и C – обрабатывающую промышленность.

Таблица 2

**Структура мирового производства (ВМП)
и экспорта товаров (2005 = 100)**

	Производство				Экспорт			
	Всего	Сель- ское хо- зяйство	Добываю- щая про- мышлен- ность	Обраба- тываю- щая про- мышлен- ность	Всего	Сель- ское хо- зяйство	Добываю- щая про- мышлен- ность	Обраба- тываю- щая про- мышлен- ность
1950	100	45.6	38.0	15.8	100	55.6	37.0	7.4
1980	100	30.6	42.1	27.3	100	39.8	42.3	17.9
2012	100	33.3	31.9	34.8	100	34.4	30.2	35.4

Из таблицы следует, что при общей для сельского хозяйства и добывающей промышленности тенденции к снижению их роли и веса в материальном производстве во второй половине рассматриваемого периода доля сельского хозяйства несколько выросла по сравнению с первой, а снижение доли добывающей промышленности произошло только во второй его половине. Отклонение от нормы сельского хозяйства очевидно вызвано положительными подвижками в его состоянии и развитии во второй половине рассматриваемого периода. Что же касается аналогичного отклонения добывающей промышленности в первой его половине, то в его основе лежит рост материалоемкости и энергоемкости мирового производства, которое и обернулось заметным обострением экологических проблем. При этом роль и вес обрабатывающей промышленности неуклонно росли, и в итоге ее доля в ВМП повысилась чуть ли не в 4,8 раза.

Разумеется, недостающие промышленные изделия всегда можно приобрести на мировом рынке. Но эластичность спроса на любые изделия намного выше, чем на продукцию сельского хозяйства и добывающей промышленности. И поэтому их покупка обходится обществу как бы дороже реализуемой там своей продукции.

История развития мировой экономики со всеми его пертурбациями уже давно в фокусе внимания исследователей. Особенно впечатляют работы английского профессора А. Мэдисона, много лет активно сотрудничавшего с Центром развития ОЭСР, и отечественного профессора В. Мельянцева. В статье, в связи с более полным охватом основных регионов и стран и более детальным их представлением читателю, использованы расчеты и выкладки А. Мэдисона. Но при этом принимались во внимание и наработки В. Мельянцева.

По расчетам А. Мэдисона, в общем и целом совпадающим с оценками В. Мельянцева, первые заслуживающие внимания подвижки в мировом экономическом пространстве отмечены только во второй половине второго тысячелетия нашей эры. Достаточно отметить, что в 1000–1820 гг. совокупный ВВП мира увеличился всего в 6 раз, а в расчете на душу населения – только в 4 раза. Однако с началом промышленной революции и развертыванием процесса индустриализации положение заметно изменилось, и в 1820–1998 гг. мировой ВВП вырос уже в 49 раз, а в по душевом исчислении – чуть ли не в 6 раз.

Стало быть, реальный (заслуживающий внимания) рост на территории нынешней мировой экономики начался только в XVIII в., а его ускорение, отражающее подвижки, связанные с развертыванием индустриализации, – лишь в начале XIX в. Особо следует отметить то, что развитие мировой экономики в общем и целом следовало за ростом и изменениями в географии размещения обрабатывающей промышленности. И это при том, что обрабатывающая промышленность была представлена поначалу прежде всего и в основном текстильным производством.

С первыми же технологическими подвижками мир как бы раскололся на две неравные по численности населения, экономической мощи и адаптивным возможностям части. Сравнительно небольшую первую образовали страны европейского ареала и его географических ответвлений, представленных США, Канадой, Австралией и Новой Зеландией, ставших прибежищем для европейских эмигрантов, которые быстро адаптировались к новым реалиям и возможностям. Остальные же страны мира из-за политически зависимого положения, архаичного общественно-экономического устройства и несовместимых с экономическим прогрессом традиций столкнулись с огромными, трудно преодолимыми препятствиями на пути развития.

В итоге, если в первой группе стран за последующие 180 лет (1820–1998 гг.) ВВП в расчете на душу населения вырос в 5,4 раза, то во второй – в 20 раз. В итоге разрыв в уровнях их экономического развития увеличился с двукратного чуть ли не до семикратного. Причем зафиксированные А. Мэдисоном подвижки произошли прежде всего и в основном по окончании Второй мировой войны, когда бывшие колониальные и зависимые страны обрели независимость и право на решение проблем своего национального развития. Однако это, как и любое другое, развитие происходит крайне неравномерно. И не только из-за огромной разницы между странами в исходных уровнях развития, но прежде всего и в основном из-за различий в реальной экономической политике, во многом задающей как общую направленность развития, так и его эффективность.

По данным первого (из опубликованных) прогноза мировой экономики, сделанного в ИМЭМО РАН, в 1950 г. на долю развивающихся стран вместе с Китаем (при исключении из их числа социалистических стран, совокупная доля которых составляла 16,5%) приходилось 26,1% совокупного

ВВП мира, тогда как на долю индустриально развитых государств – 57,4%. В конце XX в. (2000 г.) доля развивающихся стран (без пополнявших их ряды постсоциалистических стран) возросла до 40%, при снижении веса промышленно развитых государств – до 52,2%. В итоге во второй половине XX в. ВВП промышленно развитых государств в расчете на душу населения увеличился почти в 3,6 раза, а развивающихся стран – только в 3,1 раза.

Экономика многих из развивающихся стран росла быстрее, а некоторых – намного быстрее средневзвешенных показателей. Но это не изменяет сути дела, а лишь подтверждает исконную неравномерность развития (в любых его ипостасях и измерениях), которая далеко не в последнюю очередь связана с исходными различиями между его участниками и компонентами.

Во второй половине XX в. разрыв в уровне развития (измеряемом величиной среднедушевого ВВП) двух основных групп стран увеличился более чем в 2 раза и достиг семикратных размеров. При этом к началу нынешнего XXI в. в связи с повышением темпов экономического роста двух самых многонаселенных стран мира – Китая и Индии, каждая из которых по численности населения превосходит всю совокупность индустриально развитых государств, общая ситуация начала изменяться в лучшую сторону. Что же касается самой неравномерности экономического развития как таковой, то она за два последних десятилетия скорее усилилась, нежели сгладилась. Усилилась потому, что глобализация осуществляется под девизом всемерного повышения экономической отдачи от этого основополагающего процесса современности.

Наглядное представление о масштабах и динамике этого процесса можно получить по данным табл. 3, характеризующей динамику возвышения четверки новых индустриально развитых стран – НИС (по ВВП на душу населения, в ценах и по ППС 2010 г.).¹

Таблица 3

**Экономическое возвышение четверки НИС
(место в мировой таблице о рангах по ВВП на душу населения)**

	1960		1990		2000		2010	
	I	II	I	II	I	II	I	II
Сингапур	6.8	47	27.1	18	42.9	7	56.8	4
Гонконг	7.0	44	25.6	24	32.9	20	46.3	10
Тайвань	3.2	78	14.7	41	25.2	31	35.6	22
Республика Корея	1.5	109	12.4	46	20.2	36	29.0	30

¹ Подсчитано и составлено на основе расчетов Сектора прогнозирования мировой экономики ИМЭМО РАН.

Таким образом, за полвека, истекших с начала индустриализации, среднедушевой ВВП Гонконга вырос в 6,6 раза, Сингапура – 8,4, Тайваня – в 11,1 раза и Республики Корея – в 19,3 раза. В 1950–1970 гг. нечто подобное наблюдалось в Японии, а в 1970–2010 гг. – в КНР. Других таких поистине сказочных рывков в экономике за столь короткий отрезок времени не знала история. Едва ли можно ожидать таковых и в обозримой перспективе. Очевидно, что истоки и движущие силы этого поражающего воображение феномена требует объяснения. Ни в коей мере не претендуя на исчерпывающий ответ, можно отметить несколько обстоятельств.

Во-первых, все эти результаты достигнуты в рамках и на основе так называемого догоняющего развития, создающего необычайно большие возможности для экономии времени, сил и средств на основе активного, творческого использования технико-технологических и организационно-управленческих наработок лидеров техногенной цивилизации.

Во-вторых, выдающаяся динамика экономического роста всех отмеченных выше стран оказалась возможной благодаря необычайно высокому его качеству, которое, в свою очередь, обеспечивалось на редкость вдумчивой экономической политикой государства при поддерживаемой им активности частного предпринимательства.

В-третьих, все чемпионы экономического роста по необходимости начинали с замещения импорта промышленных изделий местным производством, нацеленным на всемерное увеличение и укрепление своего и всего расположенного на их территории промышленного потенциала. Но при первой же возможности переориентировались на более эффективную и перспективную стратегию так называемого внешне ориентированного развития, исходящую из необходимости активного участия в международном промышленном разделении труда (МПРТ). Участия, которое способствовало расширению рыночной базы промышленного развития и повышению его конкурентоспособности.

В-четвертых, из-за необходимости крайне напряженного, изнурительного труда, обусловленного необычайной скудостью местных природных ресурсов, все эти страны изначально располагали редким по трудолюбию и любознательности человеческим капиталом.

В-пятых, по счету, но не по значению все они расположены в одном регионе на пересечении основных торговых путей мира. При этом в случае с Японией и НИС не следует сбрасывать со счетов и на редкость благосклонного отношения к их всемерному экономическому возвышению со стороны США, стремившихся к созданию своеобразного экономического барьера на пути ожидавшейся ими экспансии социалистических порядков советского типа. При этом дело не только и не столько в их материальной поддержке. Такая поддержка бала сведена к минимуму и коснулась толь-

ко Японии и Южной Кореи. Главное заключалось в разумных советах по аграрным реформам в Южной Корее и на Тайване, а также в содействии общему обустройству мирохозяйственных связей всех опекавшихся ими стран. Само же это содействие сводилось к открытию своего национального рынка быстро возраставшему промышленному экспорту всех опекаемых стран.

Индустриализация в постиндустриальную эпоху. Несмотря на наступление постиндустриальной эпохи проблема индустриализации не сходит с повестки дня. Причем не только в развивающихся странах, но и в промышленно развитых государствах и прежде всего в США, которые уже более 100 лет (с начала прошлого XX в.) находятся во главе мирового экономического авангарда. Озабоченность Соединенных Штатов проблемами реиндустриализации объясняется прежде всего и в основном желанием как-то купировать общее ослабление динамики своего экономического роста, которое далеко не в последнюю очередь связано с перемещением трудоемких промышленных операций в развивающиеся страны на основе так называемого аутсорсинга и офшоринга.

Что же касается заметно возросшей экономической динамики периферийных стран, то в ее основе лежит не только, а, быть может, и не столько само это перемещение из-за крайне неравномерной его реализации во времени и в пространстве. Важнейшим фактором таких перемен стала бурная индустриализация и ускорение экономического роста двух самых многонаселенных стран мира – Китая и Индии, каждая из которых заметно превосходит по численности населения всю группу стран, входящих в состав мирового экономического авангарда. Ускорение индустриализации двух демографических гигантов обернулось резким вздорожанием природного сырья, которое в свою очередь подтолкнуло экономический рост всех (или почти всех) остальных стран развивающегося мира.¹

Как явствует из таблицы, три первых десятилетия, истекших с начала глобализации, доля индустриально развитых стран в мировом промышленном производстве, как это, быть может, ни странно, не уменьшилась, а возросла. Однако рост этот был связан не с глобализацией как таковой (ведущей к его снижению), а с обвалом народного хозяйства Советского Союза и других стран СЭВ из-за исчерпания возможностей для развития нерыночных экономик в условиях глобализации, укрепившей и повысившей исконную роль рынка при ослаблении государства в качестве субъекта национальной экономической политики.

¹ Подробнее об этом см.: Анатолий Эльянов. Экономическая дифференциация мира // Общество и экономика, № 6, 2013, СС. 25–46.

Таблица 4

География мировой обрабатывающей промышленности

(% , долл. США, текущие цены)								
	Размещение по странам и группам стран, %					В расчете на душу населения, долл.		
	1970	1980	1990	2000	2011	1980	2000	2011
Мир	100	100	100	100	100	917	1006	1701
Развитые страны	67.8	68.2	77.2	70.8	53.3	2385	4727	6155
США	28.6	21.0	22.7	15.5	13.7	2598	5420	6095
Страны с переходной экономикой	18.8	12.9	5.1	3,4	3.5	1321	284	1372
Россия	—	—	—	0.7	0.7	-	392	2080
Развивающиеся страны	13.4	18.9	17.3	25.8	43.3	172	328	910
Восточная и Юго-Восточная Азия	5.0	7.0	7.7	14.6	28.5	117	481	1620
4 НИС*	0.5	1.4	3.0	4.3	4.1	644	3380	5670
АСЕАН-3**	0.3	0.7	1.2	1.9	2.0	94	382	1133
КНР	3.8	4.5	2.9	7.8	17.5	115	388	1720
Южная Азия	1.4	1.5	1.6	1.9	3.4	48	75	231
Индия	0.9	1.0	1.1	1.3	1.6	45	71	213
Западная Азия	0.5	0.8	1.6	1.6	2.3	245	556	1292
Турция	0.4	0.4	1.2	0.9	1.5	252	858	1926
Африка	1.9	3.3	1.7	1.2	1.5	208	35	175
ЮАР	0.5	0.6	0.5	0.4	0.5	583	562	1084
Латинская Америка	4.6	6.3	4.7	6.4	7.5	490	509	1510
Бразилия	1.5	2.5	1.7	1.8	3.0	589	636	1839
Мексика	0.8	1.4	1.2	2.2	1.9	583	1362	1768

* 4 НИС – Гонконг, Республика Корея, Сингапур, Тайвань. С начала 1990 гг. в статистике МВФ фигурируют как «Новые индустриальные страны».

** АСЕАН-3 – Индонезия, Малайзия, Таиланд.

Рассчитано и составлено по национальным счетам отдельных стран и групп стран. Источник: UNCTAD, UNCTADstat: GDP by type of expenditure and Value Added by kind of economic activity, annual, 1970–2010, <http://unctad.org>.

Влияние перемещения трудоемких сегментов обрабатывающей промышленности в развивающиеся страны на динамику совокупного промышленного производства в странах мирового экономического авангарда стало ощутимо сказываться лишь в конце XX в. Но и тогда доля индустриально развитых государств и, в частности, США в мировом промышленном производстве оставалась еще на не вызывавшем тревоги уровне. Насторажи-

вающие изменения начались лишь в конце прошлого и консолидировались в начале нынешнего века. Ибо только за первые 11 лет, как явствует из данных табл. 4, доля стран мирового экономического авангарда в совокупном промышленном производстве мира снизилась более чем на 17% при аналогичном ее увеличении в развивающихся странах и более чем пятикратном падении в группе постсоциалистических стран.

Несмотря на то что «потери» США от перемещения трудоемких сегментов обрабатывающей промышленности в развивающиеся страны по сравнению, скажем, с Англией или Францией в процентном выражении были много скромнее, сопутствовавшее им замедление промышленного производства озаботило американскую общественность. Одним из первых озабоченность сложившимся положением дел высказал главный экономист авторитетного журнала «Business Week» М. Мэндел, задавшись вопросом о том, можно ли сохранить конкурентоспособность и жизнеспособность экономики в условиях, когда доля обрабатывающей промышленности приближается к десятой части ВВП.¹

В этой связи стали раздаваться голоса о необходимости чуть не вдвое повысить вес и долю этой самой плодотворной отрасли экономики. А затем разгорелась дискуссия о разумной мере такого повышения с участием ряда ведущих специалистов, в основном придерживающихся либеральных взглядов, но далеких от одержимости, отрицающей как бы то ни было участие государства в регулировании экономики и ее развития. Но прежде чем коснуться самой дискуссии и ее основных итогов, хотелось бы отметить два взаимосвязанных обстоятельства. Во-первых, предметом обсуждения оказалось фактически лишь положение дел в США. Во-вторых, это обсуждение, как и было задумано, проходило под девизом поиска путей к сохранению лидирующих позиций страны в мировой экономике.²

По большому счету, так, наверное, и должно было быть, коль скоро США, несмотря на все передрыги последнего времени, как и прежде являются безусловным лидером мировой экономики и, что, быть может, особенно важно, не утратили лидерства в ведущих, системообразующих отраслях обрабатывающей промышленности. Но дело не только в этом. Главное, думается, в том, что дискуссия эта зафиксировала и тем самым закрепила понимание того крайне важного обстоятельства, что несмотря на глобализацию и сопутствующие ей подвижки в механизме развития, обрабаты-

¹ См. В.И. Марцинкевич. Социально-экономическая модель США: особенности и глобальная роль в монографии «США в поисках ответов на вызовы XXI века (социально-экономический аспект)». Москва, ИМЭМО РАН, 2010, СС. 2010, С. 290.

² Заслуживающие самого пристального внимания комментарии к этой дискуссии изложены в статье одного из ведущих отечественных теоретиков С.А. Афонцева. См. Мировая экономика в поисках новой модели роста – «МЭиМО», 2014. № 2, СС. 3–12.

ющая промышленность не потеряла роли основного двигателя экономического и неразрывно связанного с ним социального прогресса. При том что и заслуживающие внимания ее субституты пока не просматриваются. Особенно если учитывать подвижки в структуре платежеспособного спроса развивающихся стран, обусловленные демонстрационным эффектом перемен в странах мирового экономического авангарда.

Между тем, последствия всех связанных с глобализацией пертурбаций в размещении обрабатывающей промышленности весьма противоречивы, тем более если их рассматривать через призму догоняющего развития, в тенетах которого по-прежнему пребывает основная масса стран и не менее, если не более весомая часть человечества. При сложившихся в связи с глобализацией обстоятельствах возросла роль и цена осмысленной и взвешенной промышленной политики, принимающей во внимание не только экономические, но и социальные аспекты развития.

Тем более что место и роль ТНК как основного агента и катализатора глобализации мировой экономики, несмотря на снижение доли обрабатывающей промышленности, в тенденции продолжает расти. И если в 2005–2007 гг., предшествовавших первому мировому финансово-экономическому кризису эпохи глобализации, доля ТНК в совокупной добавленной стоимости мира составляла 9,5%, то в 2013 г. перевалила за 10% при неизменной 33%-ной доле в мировой торговле.¹

И если вернуться к дискуссии о «новой норме», которой посвящена статья С. Афонцева, то думается, что главный ее итог сводится к фиксации того важнейшего обстоятельства, что глобализация в самой своей основе необратима. Как, судя по всему, необратима и особая роль обрабатывающей промышленности. И поэтому ни одно стратегически важное решение не может и не должно приниматься без учета этих двух важнейших обстоятельств современности.

¹ Подсчитано по: UNCTAD. WORLD INVESTMENT REPORT 2014, P. XVIII.